

УДК 947.06/08(479.6)

ББК 63.3(2)4

А-13

Абдулаева Мадина Изамутдиновна, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук ФГБУН Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра, e-mail: abdulaeva-madina@list.ru;

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РД и КЧР ФГБУН Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра, e-mail: daniyal2006@rambler.ru

ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ

(рецензирована)

В статье исследуется социально-политический институт аманатства (заложничества) в системе русско-кавказских взаимоотношений. Авторы акцентируют внимание на специфике «почетного заложничества», сделавшим возможным для детей горцев получать военное образование в России. На основе документального материала показано, что в условиях Кавказа аманаты изначально являлись гарантами политической лояльности горских владетелей. Впоследствии, институтом аманатства стал действенным механизмом приобщения северокавказцев к русской культуре и образованию.

Ключевые слова: *аманат, горцы, политическая лояльность, Кизляр, влиятельные фамилии, военное образование.*

Abdhullaeva Madina Izamutdinovna, senior researcher, Candidate of History of FSBIS Institute of history, archeology and ethnography of DagHestan scientific center, e-mail: email: abdulaeva-madina@list.ru;

Kidirniyazov Daniyal Saydakhmedovich, leading researcher, Doctor of History, honored worker of science of the RD and KChR of FSBIS Institute of history, archeology and ethnography of Daghestan scientific center, e-mail: email: daniyal2006@rambler.ru

AMANAT INSTITUTE IN THE CONTEXT OF MILITARY EDUCATION OF THE CAUCASIAN MOUNTAINEERS

(reviewed)

In the article the socio-political institute of the amanat institute (hostageness) in the system of the Russian-Caucasian relationships is investigated. The authors focus on the specifics of “honorable hostageness”, that made it possible for the children of mountaineers to get military education in Russia. Using the documentary material it is shown that in the conditions of the Caucasus amanats initially were guarantors of political loyalty of mountain possessors. Subsequently, the amanat institute became an effective mechanism of familiarizing of the North Caucasians with the Russian culture and education.

Keywords: *amanat, mountaineers, political loyalty, Kizlyar, influential surnames, military education.*

На сегодняшний день в отечественной исторической литературе недостаточно изучен институт аманатства, возникновение которого традиционно связывают с началом длительного процесса русско-кавказских взаимоотношений. По мере «установления постоянных контактов с Русским государством обычай аманатства распространился» [1, с. 189].

Термин «аманат» имеет арабское происхождение и переводится как заложник. В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона сообщается, что «аманат – слово, заимствованное в древней Руси с Востока, означающее заложника. У древних

народов и в средние века – обычай брать заложников для обеспечения точного выполнения договора» [2, с. 606].

Таким образом, вследствие исторически выработанной практики, когда устные клятвы равно как и письменные обещания не обеспечивали выполнения договорных обязательств сформировался институт аманатства, в котором заложники стали гарантами соблюдения договоров.

Аманаты брались российскими властями у различных народов, которые подпадали в сферу интересов растущей Российской империи. Однако, как подчеркивают некоторые авторы, формы и методы института аманатства различались на Кавказе и в Сибири. Кавказ был объектом геополитических устремлений России, а Сибирь интересовала с торгово-экономической точки зрения и прежде всего, как пушной край. «Поэтому на Кавказе в отличие от Сибири наряду с обычной формой заложничества практиковалось «почетное заложничество» [2, с. 63]. В этой связи уместно вспомнить, что есть и второе значение слова «аманат», как «данный на сохранение».

По мнению известного кавказоведа Г.А. Кокиева, аманатство было вызвано «общими мотивами русской ориентации на горскую феодальную и родовую знать» и на первом этапе своего существования «характеризуется отсутствием ярко выраженных элементов принуждения» [4, с. 86-87].

Аманатами становились, как правило, дети и близкие родственники знатных людей. Причем «главным условием была влиятельность их фамилий среди соплеменников» [5, с. 128].

Содержались аманаты в русских крепостях, возникших по мере распространения русского присутствия на Кавказе: в Терках, крепости Святого Креста, Кизляре, Моздоке, Астрахани.

Особую роль после упразднения крепости Святого Креста стала играть крепость Кизляр, основанная в 1735 г. стараниями генерала-аншефа В.Я. Левашова – участника походов Петра I. В XVIII в. Кизляр становится важным военно-стратегическим и торгово-экономическим центром. Его по праву называли русской столицей на Кавказе.

Как справедливо отмечает Н.Н. Гарунова, характеризуя роль Кизляра этого периода «русские цари и правители в отношении Кавказа придерживались осторожной «ласкательно-увещательной политики, проводниками которой по всему обширному кавказскому региону до Дербента, Баку, Кубани и Причерноморья были коменданты и администрация Кизляра» [6, с. 107].

Для содержания заложников-аманатов в Кизляре было создано специальное подворье – «аманатный двор». Казна отчисляла на их нужды определенную сумму денег, которая варьировала в зависимости от их социального статуса и возраста. Вместе с аманатами здесь проживали их служители, няньки.

Обращение с горцами, и в частности, с аманатами было предметом строгих наставлений генерала В.Я. Левашова коменданту крепости полковнику Красногородцеву: «обходиться с ними осмотрительно, осторожно, справедливо, приветливо, с умеренною ласкою, но не раболепно» [7, с. 162].

Количество аманатов, содержащихся в русских крепостях в XVII-XVIII вв. было невелико. Так, например, в Терках в начале XVII в. содержалось 14 чел. горских аманатов, являвшихся представителями феодальных, узденских и старшинских фамилий от разных национальностей Северного Кавказа; в Св. Кресте, по данным 1733 г. аманатов было 18 чел.; в Кизляре в 1760 г. содержалось 20 чел. Все в возрасте от 3 до 26 лет. [4, с. 88].

В случае нарушения верноподданнического поведения со стороны горских феодалов включались репрессалии в отношении выданных аманатов, которые заключались в урезании денег на их содержание наполовину, а то и больше или в переводе заложника в более отдаленные места содержания. В случае же смерти аманата, если другого не доставляли, то по

предписанию Коллегии иностранных дел 1754 года необходимо было «захватить лучшего из той стороны или узденя или владельца» [7, с. 163].

Посредством института аманатства русские власти «стремились заручиться лояльностью горских народов и рассматривали их в качестве проводников своего политического курса» [8, с. 129]. Причем со временем пришло осознание, что второе не менее важно, поскольку имеет большую историческую перспективу в деле завоевания края с помощью его жителей. Для того, чтобы аманаты могли пропагандировать российский образ жизни среди соплеменников их для начала необходимо было обучать грамоте. С этой целью, в том же Кизляре в 1763 г. предписывалось по отношению к кабардинским и кумыкским аманатам «стараться искусным образом отвадить от варварских нравов, вселять людскость и лучшее обхождение, и для того доводить их к частному обращению с русскими, призывать их в табельные дни к столам и учить грамоте российской и татарской». [7, с. 157]

Итак, первые русские школы в регионе возникли в Кизляре. При Кизлярском монастыре и Осетинской комиссии существовала школа, в которой обучались, в том числе дети из числа аманатов, выходцев из горских народов края. Находившиеся в 70 гг. XVIII в. в числе кизлярских аманатов Давлет-мирза Хасаев и уздень Шабаз-Гирей Куденетов и другие учащиеся владели русской грамотой [9, с. 336].

Для обучения грамоте кабардинских детей князь П. Цицианов в «Всепоподданнейшем рапорте от 23 марта 1804 г. предлагает «стараться всеми мерами склонять их разными прелестями отдавать детей своих в училища, нарочно имеющими быть заведенными в Георгиевске и Екатеринодаре», где обучать русскому и татарскому языкам, «а потом под видом усовершенствования наук отсылать княжеских детей в кадетские корпуса» [10, с. 953].

К этому времени стало уже очевидным, что институт аманатства как таковой начинает себя изживать. «Подобного рода зависимость северокавказские владельцы воспринимали скорее как формальный, чем реальный механизм удержания их в повиновении» [11, с. 76]. Поэтому наличие аманатов уже не влияло на соблюдение верноподданства владельцами. Так в 40-е гг. XVIII в. ногайцы-сал-танаульцы во главе с Муса Мирзой, сын которого Казбулат, находился в Кизляре в качестве аманата, неоднократно уходили за Кубань в количестве 100 кибиток против воли русских властей [12, с. 71].

Вместе с тем, в ряде случаев пребывание в аманатах сыграло определенную роль в судьбах бывших заложников. Показателен пример того же Казбулата Тоганова – сын салтанаульского Мирзы Мусы. В 1744 г. он был отправлен на учебу в Петербург. Уже в следующем году Казбулат был крещен и получил имя Дмитрия Васильевича. В 1748 г. Дмитрий Тоганов был определен в кадетский корпус. 3 ноября 1769 г. Высочайшим указом он назначен приставом кабардинцев, где работал до 1783 г., а с 1784 г. был комендантом г. Моздока и дослужился до звания генерал-майора [13, с. 124-125].

Уже в начале XIX в. российские власти стали осуществлять широкомасштабные мероприятия по привлечению горцев к военному делу и службе в русской армии. Это способствовало все той же цели – формированию значительной прослойки населения, лояльно относящейся к русской власти. «Эта задача являлась одной из приоритетнейших в общей политике «сближения с горцами» [14, с. 10]. Начавшаяся Кавказская война придала этой задаче еще большую значимость, поскольку покорение края осуществлялось не только русской армией, но и местными силами (милиционными частями, конными иррегулярными полками и др.).

Служащие в этих формированиях горцы, конечно же, не являлись в своей массе аманатами, но и в XIX в. этот институт продолжал свое существование. Как отмечает известный исследователь В.В. Ланин: «В период завоевания Кавказа распределение пленных

туземцев, а также заложников-аманатов по военным частям (в том числе несовершеннолетних) было обычной практикой, особенно в 1840-50-е гг.» [14, с. 25].

Блестящую военную карьеру сделал один из известных кавказских аманатов – осетин Муса Кундухов, сыгравший роковую роль в деле переселения чеченцев и осетин в Османскую империю во второй половине XIX в. [15, с. 126-127]. М. Кундухов родился в 1818 г. в селе Саниб, в семье Тагаурского владетеля Алхаса Кундухова. В 12-летнем возрасте Муса в качестве аманата был отправлен в Петербургскую военную школу, после окончания которой он становится кавалерийским офицером.

В 1859-1860 гг. М. Кундухов по поручению начальника левого фланга Кавказской линии генерала Н.И. Евдокимова боролся с бандами абреков и осуществлял переселение части чеченцев в Малую Кабарду. Так он постепенно дослужился до чина генерала русской армии [16, с. 14]. Правда последующая жизнь М. Кундухова прошла в эмиграции в Турции, куда он переселился вместе с тысячами чеченцев и осетин, изменив России и возглавив Черкесский полк, который сражался на стороне Турции в русско-турецкую войну 1877-1878 гг.

Но, пожалуй, самым известным «почетным» аманатом был сын имама Шамиля Джемалутдин, взятый в заложники в 6-летнем возрасте во время осады Ахульго в 1839 г. «Уникальность ситуации с Джемал-Эддином заключалась в том, что он был выдан отцом генералу П.Х. Грабе в качестве аманата, однако вслед за этим Шамиль сумел бежать из Ахульго и продолжал борьбу с русскими. В силу этого Джемал-Эддин в одночасье из заложника превратился в пленника» [17, с. 65]. Однако логически предсказуемого наказания не последовало и на судьбе Джемалутдина как заложника поступок отца никак не отразился. Одновременно с сыном Шамиля при Ахульго было взято в плен 900 человек, включая детей. Командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Е.А. Головин в рапорте военному министру графу А.И. Чернышеву от 4 декабря 1839 г. писал, ссылаясь на донесение генерал-адъютанта П.Х. Грабе:

1. Всех мюридов свыше двадцатилетнего возраста на основании высочайшего повеления ... в арестантские роты ... сроком на 10 лет.

2. Пленных мужского пола ниже двадцатилетнего возраста ... в батальоны военных кантонистов ...»

Таким образом, «число малолетних товарищей Джемал-Эддина, взятых в плен при штурме укрепленного замка Ахульго 22 августа 1839 г. и предназначенных к отдаче в кантонисты достигало по меньшей мере, 40 человек» [17, с. 66].

Учеба и воспитание Джемалутдина проходили в 1-м кадетском корпусе. Вообще, 40-е гг. XIX в. были этапом в становлении российской системы военного образования для народов Северного Кавказа. В этот период царская администрация на Кавказе начала планировать через выделение ежегодных вакансий в военно-учебные заведения России подготовку горских офицерских кадров. 19 декабря 1834 г. Николай I издал указ, предписывающий «детей почетных мусульман Кавказского края посылать в кадетские корпуса, от 20 до 30 в год, но не более, независимо от тех почетнейших, которые будут назначены в Пажи, и тех, кто в родстве со служащими в Конвое Его Величества, доставляя их вообще в год два раза, смотря по времени выпусков из корпусов в офицеры [18, с. 111].

К этому времени многие горцы уже сами стремились попасть в военные учебные заведения России, в сформированный в 1828 г. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон Собственного Его Императорского Величества Конвоя, в конные горские полки, созданные на иррегулярной основе.

Получившие военное образование северокавказцы, вернувшись на Родину делали хорошую военную карьеру, становились управленцами, переводчиками в судах, возглавляли наибства. Их окружали почет и уважение со стороны соплеменников,

материальное благополучие. Вместе с тем, они по замыслу правящих верхов являлись проводниками русской культуры, образования и образа жизни.

К середине XIX в. военная прослойка в составе коренного населения Кавказа становится значительной. Этому в немалой степени, помимо всего прочего, способствовали и возникшие при полках школы.

В 1836 г. командующий Кавказской линией отдал распоряжение принимать детей горцев в полковые и батальонные школы при войсках Кавказского корпуса. Было утверждено «Положение о воспитании 864 сирот и детей бедных родителей при войсках отдельного Кавказского округа», одобренное Николаем I [8, с. 144-145].

В этот период в одном только Дагестане были открыты школы при Апшеронском полку в Темир-Хан-Шуре, в Самурском полку в Дешлагаре. При Дагестанском конном полку была открыта школа для детей и братьев всадников, а также местных жителей под руководством полкового лекаря И.С. Костемеровского [19, с. 465].

Даже спустя 20 лет генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский в своем «Отчете за 1857-1859 годы» с сожалением отмечал, что: «До сих пор для образования горского юношества было сделано очень мало. Основанные в 1837 г. при различных частях войск школы военных воспитанников не достигают своего назначения. Командиры часто считают существование школы обременительным для полка и вовсе о ней не заботятся. Пока эти школы единственное средство для образования детей покорных туземцев и бедных русских офицеров [20, с. 1307].

Воинские части, Кавказская учебная рота, дворянские полки, полковые и батальонные школы, кадетские корпуса, школы прапорщиков, кавалерийские училища составили своеобразную систему российского военного образования. К концу XIX в. сформировались целые династии северокавказцев, для которых военное дело стало профессией. К этому времени социальный статус горца, его родовитость не являлись определяющим фактором, как это было с аманатами. Вместе с тем надо признать, вслед за современным исследователем проблемы И.В. Торопициным, что «аманаты играли весьма значительную роль в политике взаимоотношений российской власти с подвластными народами. Они служили важным дополнительным звеном, через которое осуществлялась связь российской администрации с национальной аристократией» [11, с. 78].

Аманаты, в силу специфики этого социально-политического института, были первыми, кто приобщался к русской культуре, образованию и военному делу.

Литература:

1. Тютюнина Е.С. Аманаты в Кизляре 1756 г. // Генеалогия Кавказа. 2007. №18. С. 189-196.
2. Энциклопедический словарь. Том 2 / под ред. проф. Е.И. Андреевского. Санкт-Петербург, 1890. 606 с.
3. Самрина Е.В. Аманатство как социально-политический институт присоединения и покорения новых территорий к Российскому государству в XVII-XIX веках (на примере Хакасско-Минусинского края) // Вестник Дагестанского научно центра. 2013. №49. С. 63-69.
4. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова: сборник статей и документов. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 903 с.
5. Шамиль: иллюстрированная энциклопедия / под ред. Ш.М. Казиев. Москва, 1997. 347 с.
6. Гарунова Н.Н. Кизляр и его место в северокавказской политике России в XVIII-первой половине XIX в. // Исследования по истории Дагестана (дооктябрьский период). Махачкала, 2004. С. 106-112.

7. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Часть II. Санкт-Петербург, 1869. 620 с.
8. Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.). Пятигорск, 2006. 156 с.
9. Тепсуев С.Р., Тепсуев М.С. Важнейшая роль образовательных учреждений г. Кизляра в интеграции народов Северного Кавказа в культурное пространство России в XVIII-XIX вв. Том 2 // Чеченцы в сообществе народов России. Назрань, 2008. С. 335-350.
10. Акты собранные Кавказской археографической комиссией. Том II. Тифлис, 1868. 1238 с.
11. Торопицын И.В. Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII-XVIII вв. // Кавказский сборник. Том 4(36). Москва, 2007. С. 59-80.
12. Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа (документы XVII-XVIII вв.) / сост. Д.С. Кидирниязов. Махачкала, 1998. 121 с.
13. Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII-XIX вв. Махачкала, 2010. 152 с.
14. Шигабуудинов Д.М. Формирование регулярных частей у горцев Дагестана в период Кавказской войны // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра. 2008. №3(15). С. 10-16.
15. Абдулаева М.И. Внутриполитическая ситуация в Дагестане в 70-90 гг. XIX века и миграционные процессы. Махачкала, 2006. 192 с.
16. General Musa Kundukhovun anilari. Istanbul, 1978. 107 s.
17. Каширин В.Б., Муханов В.М. Заложник двух владык (судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джемал Эддина Шамиля) // Кавказский сборник. 2010. №6(38). С. 63-115.
18. Ислам в Российской империи (законодательные акты, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. Москва, 2001. 367 с.
19. Козубский Е.И. История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909. 724 с.
20. АКАК. Тифлис, 1907. Т. XII. Ч. II. 1394 с.

References

1. Tyutyunina E.S. *The Amanats in Kizlyar 1756//Genealogy of the Caucasus*. 2007. No. 18. P. 189-196.
2. *The encyclopedic dictionary*. V.2/ed. by prof. E.I. Andreevsky. Saint-Petersburg, 1890. 606 p.
3. Samrina E.V. *The Amanat movement as a socio-political institute of accession and conquest of new territories to the Russian state in the XVII-XIX centuries (on the example of the Khakass and Minusinsk territory)//Bulletin of the Dagestan scientific center*. 2013. No. 49. P. 63-69.
4. *History of Kabardino-Balkaria in G. A. Kokiyev's works. Identification, archaeography, compliance, introductory article of G. H. Mambetov: collection of articles and documents*. Nalchik: El-fa, 2005. 903 p.
5. *Shamil: illustrated encyclopedia/ed. by Sh. M. Kaziyev*. Moscow, 1997. 347 p.
6. Garunova N. N. *Kizlyar and its place in the North Caucasian policy of Russia in XVIII – the first half of the XIX century//Research on the history of Dagestan (the pre-October period)*. Makhachkala, 2004. P. 106-112.
7. Butkov P. G. *Materials for the modern history of the Caucasus from 1722 to 1803. Part II*. SPb., 1869. 620 p.
8. Klychnikova M. V., Klychnikov Yu.Yu. *Entry of the North Caucasus into the cultural field of Russia (1777-1864)*. Pyatigorsk, 2006. 156 p.
9. Tepsuyev S.R., Tepsuyev M. S. *The most important role of educational institutions of Kizlyar in the integration of the peoples of the North Caucasus into the cultural space of Russia in the XVIII-XIX centuries//The Chechens in the community of the peoples of Russia*. Nazran, 2008. P. 335-350.
10. *The acts collected by the Caucasian archeographic committee*. V. II. Tiflis, 1868. 1238 p.
11. Toropitsyn I.V. *The Amanat institute in the domestic and foreign policy of Russia in the XVII-XVIII centuries//Caucasian collection*. V. 4(36). Moscow, 2007. P. 59-80.

12. *The Nogais of Dagestan and the North Caucasus (documents of the XVII-XVIII centuries)/ compl. by D. S. Kidiriyazov. Makhachkala, 1998. 121 p.*
13. *Kidiriyazov D. S. Economic and cultural links of the Nogais of the Northeast Caucasus with the neighboring people in the XVIII-XIX centuries. Makhachkala, 2010. 152 p.*
14. *Shigabudinov D. M. Formation of regular parts at the mountaineers of Dagestan during the Caucasian war//Bulletin of the Institute of history, archeology and ethnography of the Dagestan scientific center. 2008. No. 3(15). P. 10-16.*
15. *Abdullaeva M. I. Domestic political situation in Dagestan in 1870-90 -s and migratory processes. Makhachkala, 2006. 192 p.*
16. *General Musa Kundukhovun anilari. Istanbul, 1978. 107 p.*
17. *Kashirin V. B., Mukhanov V. M. Hostage of two lords (Destiny of the best-known amanat of the Caucasian war, lieutenant Dzhemal Eddina Shamil)//Caucasian collection. 2010. № 6(38). P. 63-115.*
18. *Islam in the Russian Empire (acts, statistics)/ compl. by D.Yu. Arapov. Moscow, 2001. 367 p.*
19. *Kozubsky E.I. History of the Dagestan horse regiment. Petrovsk, 1909. 724 p.*
20. *AKAK. Tiflis, 1907. V. XII. P. II. 1394 p.*